

АЗБУКА ВЕРЫ

диакон Андрей

Бог и боги

Бог и боги

диакон Андрей

- Вы еще сомневаетесь, хотя видели собственными глазами.

Уж вам-то совсем не пристало быть Фомой Неверующим.

Да, в рассказах о талисманах, приворотах, серебряных пулях что-то кроется!

Что вы, католик, скажете на это?

- Скажу, что я агностик, - улыбнулся отец Браун.

- Вздор, - нетерпеливо крикнул Элмер. -

Ваше дело верить в разные штуки.

- Да, в некоторые штуки я верю, - согласился отец Браун.

- Именно поэтому я не верю в другие.

Г. К. Честертон

Почему для христиан столь немыслимо совмещение веры в Бога Евангелия и почитание иноземных богов, и почему это сочетание вполне естественно для язычников?

Дело в том, что классические религии древности трудно назвать «политеистическими». На самом деле любая развитая религиозная мысль - в Египте и Иране, в Греции и Индии - приходила к выводу о том, что Бог Един. Точнее говоря - не «приходила», а «припоминала». В теогонии любого народа есть хотя бы глухие указания на то, что Первоисток бытия Един.

Но память об этом «прамонотеизме» была весьма слабой. Трудно сказать - что здесь было причиной. Может быть, «блокированность» религиозной жизни землян честолюбивыми космическими духами. Может быть - просто чувство своего рода религиозного реализма людей: мы пали так низко, что не имеем права взирать на Небо. Может быть, то древнее забвение Творца было попыткой успокоить свою совесть путем устранения из памяти Того, против Кого и было совершено главное преступление.

А может быть, это забвение оказалось результатом вполне и даже слишком человеческого поиска посредствующих «примирителей». Когда рассорятся два некогда близких человека, не всегда они решаются прямо подойти друг к Другу и сказать: прости. Весьма

часто, уже придя в покаянное настроение и поняв всю напрасность вчерашней ссоры, они пытаются «прощупать» настроение другого, подговаривая общих знакомых завести с бывшим другом разговор на болезненную тему разрыва. «Я сам к нему обратиться не могу – но хоть ты спроси его, что он об этом думает». Если посредник не слишком добросовестен, если он почему-то считает, что ему на руку усугубление разрыва – можно не сомневаться, что он найдет такие полутона и акценты при передаче взаимных извинений и соболезнований, которые лишь еще больше испортят все дело.

Те посредники, которые предложили свои услуги в качестве «духовных наставников» падшего человечества, судя по результатам древней религиозной истории человечества, не были заинтересованы в том, чтобы человек примирился с Богом.

Причины могли быть разными – но сам факт отмечен практически во всех «языческих» мифологиях: память о Едином Боге удалась из повседневного благочестия и затем была оживлена лишь во вторичной философской рефлексии (хотя, по правде говоря, это еще вопрос – оживляет, или, напротив, охлаждает философизация религиозные отношения людей).

Соответственно, бытовое благочестие строилось на почитании тех духовных существ, что поближе к человеку и больше похожи на него. У каждого дома (семьи, рода) есть свой «гений». У каждого города, каждого народа и страны. Эти боги и духи, как и люди, не всегда живут мирно между собой. Но в принципе для человека желательно поддерживать мир со всеми.

Соответственно, если я, язычник А, иду в гости к моему соседу, язычнику В, на его семейный праздник, я должен взять с собой подарки в количестве $N+1$ (где N означает число членов семьи, а 1 – подарок для его семейного гения, домового по-русски). У меня дома за печкой живет свой собственный гений «Васька». Но с домовым своего соседа мне лучше не ссориться. Он хоть и властен только над своей домовою территорией, но колодец-то у нас общий. Обидится он на меня – да и подстроит какую-нибудь каверзу мне у колодца. Так что лучше жить в мире. Вот и несу я чужому «Ваське» немного сметаны. Соответственно, когда мой сосед, язычник В, придет в гости ко мне, я надеюсь, что он принесет подношение моему «Ваське». Для

меня это тоже важно – потому что вдруг мой гений обидится, что в его доме кто-то, пусть даже захожий человек, не оказывает ему почтения. Прохожий уйдет – а сердиться «Васька» будет на меня. Так что чужое нечестие может плохо отразиться на моей семье.

Эти же правила действуют и на уровне взаимоотношений целых народов. Язычество терпимо в том смысле, что оно признает право каждого народа на своей территории чтить своих богов. Но языческая религиозная практика весьма требовательна по отношению к своим соплеменникам. Точнее говоря – она требует от любого человека, находящегося на территории, опекаемой тем или иным богом или сонмом национальных богов, знаков уважения к ним.

Грекам, завоевавшим Египет, и в голову не пришло требовать от египтян почитания Зевса или Аполлона. Римляне, покорив Грецию, не требовали от побежденных отречения от отечественных олимпийцев. Более того, римляне в эпоху Империи с готовностью разрешали почитание иноземных богов у себя в Риме. Верь как хочешь – но при условии лояльности к богам хозяев. Чти Астарту или Изиду, Митру или Ваала – но хотя бы раз в год почти и местных богов (и их сына – императора).

Чем больше разных богов почитает человек – тем больше у него шансов на успех (как и сегодня – чем в большем числе банков человек имеет счет, чем больше разных акций он скупает – тем гарантированнее его будущее: «нельзя хранить все яйца в одной корзинке»).

Как видно из «Илиады», между богами могут быть войны. Исход человеческой битвы на земле – не более, чем отражение битвы на небесах. Из этого языческого представления следовало, что в принципе человек может сменить свою веру. Если боги его народа проиграли, если история, практика доказала, что боги соседей могущественнее – какой же смысл чтить свои слабосильные божества? Они не защитили – значит, контракт расторгнут. Поэтому, хотя победители не навязывали обычно своей веры, они все же ожидали, что побежденные сами постепенно примут ее. Тем более, что принятие веры победителей не означало отречения от веры отцов, оно просто восполняло почитание прежних святых новыми членами пантеона. Египетский фараон, нисколько не отрекаясь от

веры в Озириса и Амона, мог попросить Моисея помолиться «Богу евреев» (Исх. 7, 16 и 8, 8), когда увидел, что этот Бог не менее могущественен, чем те боги, к которым обращаются египетские жрецы.

Такая практика получила название «генотеизма». Человек знает, что где-то есть Единый Бог, Источник Бытия. Но избирает для себя и своего рода почитание некоего более близкого духа.

Особенность Библии в том, что Господин, являющийся предметом почитания евреев, оказывается тождественен с Единым Богом. Он не просто покровитель Палестины, не просто семейное божество Авраама. Он – Тот Самый, Чье Имя не дерзает произнести ни одно человеческое племя.

У Авраама не могло быть детей. И он, и Сарра были слишком стары. Но вера Авраама и гостеприимство, оказанное им Трем Странникам, дали ему сына. *«Я – вот завет Мой с тобою: ты будешь отцом множества народов»* (Быт. 17:4). Это было сказано 99-летнему старику. Более того, чтобы Израиль навсегда запомнил невозможность своего существования вне Завета, Аврааму было приказано принести своего чудесного первенца Исаака в жертву. Принесение в жертву – это посвящение Богу. Посвященный больше не может принадлежать никому иному, кроме как Тому, Кому его посвятили.

Израиль времени Исхода уже знает Ягве как своего Бога, избравшего Израиль для Завета и открывшегося ему. Чудеса Моисея видели все. Чудо Исхода пережили все. То, что в мире объявился некий семитолюбивый Бог – ощутили все. Но – кто же сей таинственный Незнакомец?

Моисей должен открыть народу, что Бог Авраама и Моисея это Бог вселенной. Израиль должен узнать своего Помощника и Покровителя в Авторе мироздания. Бог Пасхи, Бог, чудеса Которого и заботу о себе уже видел Израиль во время своего исхода, теперь должен быть опознан как истинный Демиург.

Этим заветом Израиль отделен от остальных народов – но лишь для того, чтобы напоминать им о полузабытом ими Едином Творце и через принятие Его всех привести к новому единству. Единство

хорошо, когда это единство в истине и в Боге. Но если это единство в забвении Бога?.. Закон доброго поведения выражается в псалме: *«Уклонися от зла и сотвори благо»*. Сначала - «уклонение», отъединение. В Новом Завете апостол это выразит ясным суждением: *«Не обманывайтесь: худые сообщества развращают добрые нравы»* (1Кор. 15:33).

Именно с пантеизмом связана знаменитая индусская «терпимость» - разрешение называть божество любыми именами. Все равно какое имя - потому что вообще все равно, потому что все в мире есть Бог. Но если Бог есть личность, но если Бог отличим от мира, если мир не есть Бог - то возможна ошибка. Бог создает мир вне Себя («из ничто»), и если человек прикипит своим сердцем к тому, что не есть Бог, - он может остаться вообще без Бога. Вне Бога есть огромный по человеческим меркам мир: в нем можно заблудиться. А в конце концов - и задохнуться. Поэтому в монотеистической религии немыслимо поставление рядом с Творцом еще каких-то иных поклоняемых сущностей.

Вот как Библия описывает грех, выбросивший за рамки Священной истории жителей Самарии: *«Сделал каждый народ и своих богов... Между тем чтили и Господа»* (4Цар. 17:29-32). Именно - «между тем». По сути они осуществили мечту современной нецерковной интеллигенции об объединении всех религий - *«Господа они чтили, и богам своим они служили»* (4Цар. 17:33).

Самария была основана израильтянами в начале 9 века до Р.Х. В 8 веке до Р.Х. (722) она после трехлетней осады была взята ассирийской армией. Местное еврейское население было депортировано в Мидию. Земли же были заселены ассирийскими и вавилонскими переселенцами. Первые годы жизни язычников-переселенцев на самарийской земле были весьма трудны. Несчастия, наваливавшиеся на них, они объясняли тем, что, переехав в другую страну, они сохранили почитание своих прежних богов и не озаботились умилованием «местного бога» - *«Бога той земли»* (4 Цар. 17, 26). Так они решили принять почитание Иеговы, почитание Бога Библии. Однако их позиция была позицией религиозного синкретизма: они полагали, что возможно чествование Бога Библии и поклонение иным, языческим богам. *«Народы сии чтили Господа, но*

и истуканам своим служили. Да и дети их и дети детей их до сего дня поступают так же» (4Цар. 17:41).

В глазах Библии, в глазах Ветхозаветной Церкви это все равно, что просто остаться язычником, и даже, пожалуй, хуже: знающий истинного Бога и остающийся в служении идолам хуже обычного простосердечного язычника. Когда Бог говорит Моисею первую заповедь – «*Бог один*», он не имеет в виду, что тем самым Моисею открывается эзотерическая тайна – имен богов, дескать, много, а на самом деле все религии говорят об одном и том же Едином Боге. «Моисей, если хочешь, называй Меня Кришной. А ты, Аарон, можешь по вторникам звать меня Зевсом, а по пятницам хоть Астартой.» Пантеистическая формула «Бог един» вбирает в себя самые разные формы духовного движения. Заповедь Моисея имеет в виду «единый» как «единственный» – «нет иных богов!». Бог Библии называется Единым – потому что исключает иных богов. «Бог» современного религиозного китча называется «Единым», потому что вбирает всех богов.

Если бы Бог Библии воспринимался как один среди многих иных богов, как одна из многих эманаций Единого, наряду с Ним было бы естественно почитать иные божества. Как писал апологет язычества Цельс, «кто почитает нескольких богов, тем самым делает приятное Богу, поскольку он почитает нечто от великого Бога. Поэтому, если кто почитает и боготворит всех (приближенных Бога), он не оскорбляет Бога, которому все они принадлежат... Право же, тот, кто, говоря о Боге, утверждает, что только одного можно назвать Господом, поступает нечестиво, так как он тем самым разделяет царство Божие, создает в нем раздор, как будто бы существовали (две) партии и имелся какой-то другой, противостоящий Богу» (Против Целься. 7,2 и 8,11). Но библейские пророки, а позже и христиане как раз и считали, что духовных мир разделился. И поэтому дружба с языческими духами есть вражда против Бога. Может быть, некоторые языческие ритуалы, образы, мистерии сами по себе не так уж плохи; далеко не все в языческой религиозной жизни может быть оценено как инспирации сатаны. Но когда пришел Свет, когда открылась возможность прямого обращения к Богу, уже нельзя оставаться в мире языческих двусмысленностей.

Отворачиваться от Христа, пришедшего к людям, и обращаться к прежним языческим заклинаниям – значит противиться Христу, отречься от Него.

Поэтому пророки увещевали израильтян не поклоняться богам Вавилона во дни поражений Израиля. Хоть и кажутся они гораздо сильнее, – это не причина для принятия веры победителей. Хоть и уведены мы с земли отцов в страну «иных богов» – но это еще не повод для забвения Бога. *«Разве Я – Бог только вблизи... а не Бог и вдали?.. Не наполняю ли Я небо и землю?»* (Иер. 23:23-24). Ягве – не бог Палестины. Он – Бог Вселенной. И поэтому даже на чужбине, даже в минуты испытания и поражений Его надо помнить и нельзя молиться иным богам.

Поэтому и непредставим пророк Исайя на экуменическом съезде жрецов Ближнего Востока. Если бы пророки Израиля начали искать «консенсус» со жрецами Ваала – мир не стал бы светлее. Просто в нем захлопнулось бы то единственное окошко, которое еще было открыто в сторону Творца.

И пророки, и апостолы признавали, что у других народов есть свои божества – но решительно отказывались признать за богами язычников статус Истинного Творца (язычники, как мы помним, на этом и сами особенно не настаивали). Если бы в представлении апостолов Христос был воплощением одного из многих иерархов или духов, если бы Он казался им лишь очередным «аватаром» – они не стали бы ценою своих жизней отказываться от почитания иных «сыновей божиих». Но из 12 первых апостолов Христа десять были убиты за свою проповедь (кроме Иуды Искарота и ап. Иоанна, после многих ссылок и арестов все-таки ненасильственно ушедшего из этой жизни). Был убит и ап. Павел. Все они предпочли пойти на смерть, но не преклониться перед богами язычников.

Феномен гонений на христиан в Римской империи обычно понимается совершенно неправильно. Прежде всего, ничего «нормального» (мол, все новое гонимо) в нем не было. Римская империя – это правовое государство, и в нем не преследовали ни философов (как бы их взгляды ни отличались от императорских), ни иноземные секты (культ персидского Митры был весьма популярен в римской элите), ни народы, верующие не по-римски. Даже евреи,

считавшие языческих (следовательно, и римских) богов за демонов, не подвергались религиозным преследованиям. По признанию еврейского историка, «римляне никогда и никого, кроме христиан, не подвергали преследованиям по религиозным причинам» [Даймонт М. Евреи, Бог и история. М., 1994. с. 194.].

На монетах императора Септимия Севера встречается изображение персидского божества Митры. А сам Септимий, прибыв в Александрию, охотно поклонялся местному богу Серапису. И при этом же императоре из той же Александрии был изгнан св. Климент. И на закон этого же императора, изданный в 202 г. и запрещающий переход в христианство, ссылались судьи, приговорившие к смерти учеников Оригена...

Почему? Откуда такая ненависть – и причем не у худших, а у лучших римских императоров? (Одним из самых ревностных гонителей христиан оказался философ на троне Марк Аврелий). Причина – в самих христианах. Если бы христиане согласились, подобно теософам, считать, что «имя Бога» не важно, что Бог «многолик» и что поэтому можно поклоняться и Зевсу, и Митре, и Осирису, и Христу одновременно – гонений не было бы. От христиан не требовалось отречения от Христа. От них требовалась лояльность по отношению к официальным языческим божествам. Мученица Татьяна пострадала при императоре Александре Севере. Мать Александра – Юлия Маммея – была христианкой. Он сам считал себя христианином. В его домашней молельне стояло изображение Христа (наряду с изображениями Авраама, Орфея, Аполлония). Но настоящую христианку он предал пыткам. Именно за отказ поместить Христа «среди» других богов. Святая Татьяна была убита императором-«христианином» за отказ от синкретической «веротерпимости».

Уклонение христиан от почитания «отечественных богов» воспринималось как угроза для всего общества: а вдруг боги прогневаются за то, что их не чтут? Христиан же называли «атеистами», безбожниками за их отказ чтить олимпийцев. И понятно, что происходившие бедствия толпа приписывала нечестивым христианам и кричала: «Христиан – львам!».

Иудеи смогли как-то договориться с властями – и их не трогали. С

точки зрения язычников религия иудеев была хоть и странной, но понятной: иудеи, казалось им, чтут местного бога Палестины, чтут своего племенного божка – и это вполне законно. Хотя иудеи не почитают наших богов – но их бог все же имеет свою землю и, значит, входит во вселенскую номенклатуру Ваалов. А у Бога христиан земли – то и было всего – клочок почвы под Его распятием...

Какой бы странной ни казалась язычникам религия евреев – религиозных гонений на иудаизм в Римской империи не было.

Но было другое: сами иудеи с легким сердцем доносили римлянам на смутьянов и еретиков – христиан. Тем самым они, с одной стороны, свидетельствовали властям о своей лояльности, с другой – боролись с «ересью», возникшей в их собственной религии.

И если уж сегодня братья за «иудео-христианский диалог», то надо говорить не только о еврейских погромах в европейских гетто, но и об иудейских доносах на христиан в первые века нашей эры (Вот свидетельство одного из древнейших «мученических актов» начала второго века: власти постановили св. Поликарпа, епископа Смирнского, казнить через сожжение. Когда об этом было объявлено, «толпы людей немедленно бросились собирать дрова и хворост из мастерских и терм, в чем с особенною ревностью помогали иудеи, по своему обыкновению». – Мученичество св. [Поликарпа Смирнского](#), 13. – Писания мужей апостольских. Рига, 1992, с. 386.); не только о немцах, отправлявших миллионы евреев в газовые камеры Освенцима, но и о местечковых обитателях, возглавивших мясорубку той ЧК, что и сломала хребет исторической России... И возмущаться надо не только антисемитскими газетками, но и теми словесными погромами христианству и христианской культуре, которые нередки у еврейских публицистов (Например, вот как о Церкви пишет помощник Глеба Якунина журналист Лев Левинсон: «Разговоры о возрождении Русской Православной Церкви представляются бессмысленными. Это все равно, что надеяться на воскресение лежащей в Мавзолее куклы или, вернее, недолговременного ее (его) соседа, зарытого неподалеку. Надо избавляться от всего этого: и от мертвецов, и от Патриархии, как от затяжной болезни, которая непременно оставит следы на теле, но станет наконец вчерашним днем». (Лев Левинсон. Несколько замечаний о торжествующей

идеологии. – Экспресс-хроника. 26.5.1995). См. также Даймонт М. «Евреи, Бог и история. (М., 1994, с. 186); Е.Майбурд «Ловцы человек сетями лжи» («Независимая газета», 23.09.93) и др.). И то, и другое – подлость и преступление. Но осуждение этих низостей должно, очевидно, быть взаимным...

Так вот, когда донос на христианина поступал в римскую администрацию, дело должно было быть заведено и доведено до судебного разбирательства даже при личном нежелании того или иного благородного чиновника мараить руки христианской кровью. Непосредственно христиан обычно обвиняли в нарушении закона об оскорблении царского достоинства. Логика понятна: если христианин считает религию Олимпа ложной религией, а именно богам Олимпа поклоняется император, значит, христианин считает императора демонопоклонником. Кроме того, христиане имели дерзость не верить в божественность императорской генеалогии (Цезарь производил свой род прямо от Венеры).

Языческий суд предлагал христианам до боли знакомые нам отговорки: «Только словом произнеси отречение, а в душе имей веру, какую хочешь. Без сомнения же, Бог внимлет не языку, но мысли говорящего. Так можно будет и судью смягчить, и Бога умилоствить». Так св. [Василий Великий](#) передает увещания палачей, обращенные к мученику Гордию. Рассказывает св. Василий и о мученике Варлааме, ладонь которого насильно держали над языческим жертвенником, положив на нее сверху горящий ладан – в надежде на то, что «Свидетель Евангелия» не выдержит жжения и сбросит с руки ладан прямо на жертвенник... Такова была «цена слов и жестов». Цивилизация, для которой слова обесценились, уже не имеет права именоваться христианской. А люди, которые между делом, даже по дороге в православный храм, готовы вкусить кришнаитский «прасад», пожертвовать рубль на любой «религиозный» сбор и воскурить палочку с экзотическими восточными запахами перед любым ликом, даже не понимают, с каким ужасом и болью смотрели бы на их поведение апостолы и мученики ранней Церкви.

Это Рамакришне все равно – впасть в экстаз перед изображением Будды или Христа, в созерцании демонической Богини Кали или

теософской Матери Мира. Но христианин предпочтет мученичество такой «широте». Это настолько непреложный закон монотеистического богопонимания, что даже [Ориген](#), рекрутируемый теософами в свои адепты («В христианстве я придерживаюсь веры первых отцов христианства... Если бы наши отцы церкви приняли бы за изучение трудов Великого Оригена, догмы церковные отпали бы как оковы и скопы железные»). (Письма Елены Рерих 1929-1938. В 2-х т. Минск, 1992. т. 2. с. 9. и т. 1. с. 275), протестует против «многоимянности» Бога. «Многие держатся еще того мнения, что имена предметам усвоены произвольно и не имеют с существом их внутренней связи. Оттого многие полагают, что безразлично говорить: «Я почитаю высшего Бога» или же «Юпитера» или «Зевса». Или же так: «Почитаю и прославляю солнце или Аполлона, луну или Артемиду, жизненную силу земли или Деметру, или другое что-либо, о чем говорят греческие мудрецы». Против таких возражаем... Нечего тому удивляться, что демоны свои имена переносят на высшего Бога; это они делают для того, чтобы воздавали им почитание как бы высшему Богу. Такое употребление имен языческих идолов для поименования истинного Бога у нашего «служителя» (Моисея), и у пророков, и у Христа и у апостолов не обычно» (Увещание к мученичеству, 46). «Лучше муки претерпеть и умереть, чем позволить себе это» (Против Целься, 4, 48; 1, 25).

У христиан был очень легкий путь к успеху. Надо было лишь сказать: «мы пришли объединиться со всеми. Мы почитаем Христа, но, конечно, понимаем, что Ему же можно поклоняться и в культах других религий». Тогда не было бы мучеников. И не было бы христианства. Тогда осталось бы неуслышанным предупреждение Христа: *«Горе вам, когда все люди будут говорить о вас хорошо!»* (Лк. 6:26).

Итак, именно отказ апостолов и их последователей признать наравне с Евангелием правоту язычников привел их к казни. Язычество предложило христианам компромисс с собою – в виде гностицизма. Церковь отказалась. И тогда, по точному выражению [В. Болотова](#), «язычество прибегло к гонениям, требуя компромисса».

Мученичество христиан заставило язычников задуматься: «оказывается, что-то такое есть в мире религии, что нам незнакомо...

Почему эти христиане так любят своего Христа? Мы же за свою Астарту не умираем...» Кровь мучеников действительно стала семенем Церкви.

Победа Церкви над Империей – это победа религиозной серьезности над легкомыслием, победа честности над религиозным китчем.

диакон Андрей